

Муравлев, А. Крестьянский просветитель // Алтайская правда. – 2009. – 6 февр. – С. 6–7.

Некоторые исследователи сравнивают Адриана Топорова с великими просветителями эпохи Возрождения: педагог, писатель, журналист, театральный режиссер, артист, музыкант, художник, эсперантист. Он познал сладость славы и горечь травли, творческие удачи и лагерную жуть, долгое забвение и космические вершины почета. Внук писателя Игорь, недавно приехавший на Алтай, пополнил копилку сведений о жизни и творчестве Адриана Митрофановича новыми сведениями и документами.

Рыцарь культуры

Адриан Топоров прожил долгую, полную событиями жизнь. Он оказался на Алтае в начале прошлого столетия, а ушел от нас в 1984 году в возрасте 92 лет. И остался в людской памяти как педагог-новатор, который реализовал в небольшом алтайском селе невиданный в мире эксперимент: устраивал публичные чтения для крестьян и записывал их мнения. Предложенный метод Топорова напоминает современные дискуссии под руководством модератора, нацеленные на выработку конкретных рекомендаций по формированию фондов сельских библиотек.

Адриан Митрофанович издал размышления коммунаров о литературных произведениях русской и зарубежной классики в уникальной книге «Крестьяне о писателях», которая получила восторженные отзывы известных писателей и злобную критику – от околосредств массовой информации.

Принято также считать, что Адриан Митрофанович придумал метод написания детьми сочинений на основе личных наблюдений.

Пять лет назад в Барнауле на улице Никитина, 145 открыли мемориальную доску алтайскому просветителю, педагогу и писателю Адриану Топорову, в Косихе есть улица, которая носит его имя, а в селе Верх-Жилино организован музей.

Крестный путь

Адриан Митрофанович родился в 1891 году в селе Стойло Курской губернии в огромной крестьянской семье. Однако ему все же удалось окончить церковно-приходскую школу, что позволило сдать экзамен на звание учителя начальной школы.

На Алтай он приехал в 1912 году в 20-летнем возрасте. Три года работал учителем церковно-приходской школы в Барнауле, затем переехал в село Верх-Жилино Косихинской волости – ныне Косихинского района. Кроме занятий с детьми в воскресной школе учил грамоте взрослых. А с начала 1920 года продолжил просветительскую деятельность среди крестьян в коммуне «Майское утро». Это общественное занятие и прославило его на весь мир.

Книга «Крестьяне о писателях», в которой школьный учитель собирал суждения крестьян о книгах или спектаклях, изданная в 1930 году, получила и крайне негативные отзывы. Писатель был изгнан с работы и через два года покинул Алтай. А в 1937-м его арестовали в подмосковном городке Раменское, где Адриан Митрофанович преподавал русский язык и литературу в средней школе. Осудили на пять лет. По его словам, он прошел шесть тюрем и два лагеря.

В опубликованной позднее автобиографии Топоров вспоминал: «Валил вековую архангельскую тайгу. Много раз был при смерти. Выжил чудом... В то время, когда я проходил свой крестный путь, моя жена и два сына добровольно ушли на фронт, защищать Отечество от гитлеровцев».

После отсидки находился в ссылке в Татарии и Казахстане. Воссоединился с семьей лишь в октябре 1948 года. 35 лет прожил в украинском городе Николаеве, где продолжал заниматься литературной деятельностью. Написал еще несколько книг, большинство из них, к сожалению, не издано поныне.

В декабре 1958 года Верховный суд РСФСР признал недействительным приговор Свердловского областного суда в отношении Адриана Топорова. Лишь в возрасте 88 лет он стал членом Союза писателей, хотя к тому времени его произведения публиковались огромными тиражами в

Коммунарское братство

В начале 1920 года неподалеку от села Верх-Жилино, в 16 километрах от волостного села Косиха, появилась коммуна «Майское утро», в которую влились крестьянские семьи из Косихи, Глушинки и Верх-Жилино. По переписи 1926 года здесь числилось 29 хозяйств и 130 жителей.

Коммунарам удалось организовать в поселке Майское утро образцовый быт: чистые избы, хорошие дороги, Народный дом, детский сад, школу, столовую. В коммуне не было заборов, а замки отсутствовали на домах и даже и на амбарах. В школе учили не только грамоте, но и музыке, пению, рисованию, рукоделию, моделированию. В поселке работали струнный оркестр, детский хор, краеведческий музей, школьный театр.

Когда в нем ставился «Недоросль» и заболел пастух, игравший Вральмана, его вызвался заменить заезжий корреспондент – будущий писатель Борис Горбатов.

Пользуясь знакомством с интеллигенцией Барнаула, Топоров пригласил профессионального скульптора Надольского, который давал детям уроки художественной лепки. Школьный учитель достал в Барнауле скрипки, виолончель и другие музыкальные инструменты. Из села Лосиха привез фисгармонию, конфискованную в Гражданскую войну у какого-то богача. Кузнец сделал угольник, столяр изготовил пюпитры. А вот барабан долго не могли нигде приобрести. Не было бы счастья, да несчастье помогло: пал на ферме теленок. Из его кожи сделали сыромятину, которую и натянули на обод подсевального решета.

Во время посещения в ноябре 2008 года Игорем Топоровым Косихинского района его познакомили с воспоминаниями детей коммунаров «Майского утра» – Ольги Зайцевой и Марии Седых.

Ольга Алексеевна, жительница Верх-Жилино, разменявшая десятый десяток лет жизни, описала Адриана Топорова как очень деятельного человека: «Кто такой был Топоров? Не сразу и ответишь. Он был учителем. Но и хорошим организатором. Отличный музыкант, скрипач. После уроков учил детей игре на скрипке, балалайке, гитаре. Наш детский струнный оркестр выступал на праздниках. А вечерами учитель ликвидировал неграмотность у взрослых: учил писать, читать, занимался читкой книг. Еще он спектакли ставил – тогда это называлось постановками. В них участвовали и взрослые, и дети или одни дети. Танцевали под музыку, всесторонне развивались.

Топоров много добра делал людям. А выглядел обыкновенно – костюм посконный, брюки, гимнастерка, позже появился вельветовый костюм.

Потом его безвинно посадили. Жена Мария Игнатьевна маялась одна с двумя сыновьями. Но к тому времени Топоровы уже уехали из поселка, да и поселок был ликвидирован. После освобождения из ссылки Адриан Митрофанович переписывался с моим дедом Алексеем Абрамовичем».

Невиданный эксперимент

Бывшая учительница 85-летняя Мария Седых рассказывала внуку писателя, что Топоров учил коммунаров культуре. Никто, по ее словам, «не ругался плохими словами, все звали друг друга по имени-отчеству».

Ее отец Григорий Бочаров был подмастерьем у сапожника Ивана Красилова – они обували всех коммунаров, включая ребятишек. По такому же принципу в «Майском утра» работали все остальные – в полеводческих и животноводческих бригадах, в столовой, в школе... Весь скот за исключением птицы был обобществлен, находился в коммунарских дворах. Малые дети круглосуточно находились в детском садике, остальные ребятишки допоздна были в помещении школы, где кроме обычной учебы могли заниматься музыкой, в театре или ремеслами. Все коммунары питались в столовой. Не нужно было доить коров, готовить семьям пищу...

Реализация великой утопической идеи освобождения женщин и мужчин от домашнего труда создала предпосылки для успеха топовского эксперимента по освоению крестьянами всемирного литературного наследия.

Но главный фактор – сам Топоров, его воля, образованность, талант. «Нас отпускали к родителям только на ночь, – вспоминает Мария Седых. – Все мальчишки были в полосатеньких штанишках и таких же рубашках, девчонки – в полосатеньких платьицах. Только на праздник мать одевала меня в коричневое платье, а братишку - в матроску. В школе мы учились, питались, занимались полезными делами. Поздним вечером школа превращалась в Народный дом. Часто и мы бывали там».

В течение двенадцати лет ежевечерне в Народном доме Адриан Топоров читал, а затем обсуждал с коммунарами классические и современные произведения, записывал их высказывания.

Странную, на первый взгляд, картину наблюдал в поселке коммуны «Майское утро» корреспондент газеты «Известия ЦИК» Абрам Аграновский. В очерке «Генрих Гейне и Глафира», опубликованном 7 ноября 1928 года, он писал: «Представьте поселок, в котором ежедневно, начиная с шести часов вечера и кончая одиннадцатью часами, нельзя застать в домах ни одной живой души, даже грудных детей. Представьте далее клуб, в котором на составленных столах, высланных мохнатыми сибирскими шубами, спят рядышком десять-двадцать детишек... Тишина. Мерно тикают часы. На сцене при свете лампочки читают «Виринею»...»

В традициях народничества

Коммунары прослушали и обсудили, или, как в ту пору говорили, разобрали, произведения Пушкина, Лермонтова, Чехова, Гоголя, Льва Толстого, Щедрина, Островского, Тургенева, Лескова, Писемского, Бунина, Андреева, Блока, Короленко, Горького, Гюго, Мопассана, Гауптмана, Мольера, Ибсена, Метерлинка, Есенина, Бабеля, Катаева, Сейфуллиной, Бедного, Шишкова, Всеволода Иванова, Новикова-Прибоя, Леонова, Уткина... Ей-богу, программа больше похожа на университетский спецкурс, чем на времяпрепровождение простых сибирских крестьян.

Деятельность Топорова стала своеобразной вершиной традиций народничества и просветительства конца XIX века. Однако на дворе была иная эпоха. Большевики взяли курс на формирование читателя, политически ориентированного, которому предлагали такие идеологически «правильные» романы, как «Лапти» Петра Замойского, «Перелом» Дмитрия Зорина и т. д. В список запрещенных и nereкомендованных авторов попали граф Лев Толстой, эмигрант Бунин, «певец упадочничества» Сергей Есенин и многие другие. Некоторые из литераторов, с которыми переписывался Адриан Топоров: Георгий Вяткин, Владимир Зазубрин, Вивиан Итин, как и он, будут незаконно репрессированы.

У агитпропа были свои представления о «полезной», «нужной» литературе. Книги рассматривались как «орудия просвещения сознания широких народных масс», а процесс усвоения литературных знаний – как «формовка советского читателя» – составная часть «формовки советского человека», а не интеллектуальное занятие.

А тут какой-то безвестный беспартийный учитель в сибирской глубинке несанкционированно читает и обсуждает с крестьянами самые разные, включая «вредные», произведения художественной литературы.

Коммунары, с которыми он общался, открыто говорили о том, что им надоела пропаганда – «агитки деревне нужны, как зима вместо лета». Несмотря на недостаток бутафории, они требовали поставить «Любовь Яровую», но категорически отказывались участвовать в пьесах-агитках, считая их «дрянью, которую нельзя ни читать, ни ставить».

«Хотим попробовать ученой ухи»

Учитель разработал методику обсуждения с крестьянами литературных произведений. Сначала предлагал коммунарам вопросник, и те оценивали стиль и язык повествования, его соответствие действительности, уровень сложности и многое другое. Причем Адриан Топоров просил слушателей, чтобы они не смущались излагать оценки произведений своим языком, говорил им: «Лупи, как придумалось, только чтобы по совести!» Неудивительно, что крестьянская критика была честной,

непредвзятой и по-народному ядреной: «Строки написаны длинные, только смазаны они из глины», «Тут Яшка да Стешка, над нами одна насмешка», «Писал он про кобыл, а я прослушал и все позабыл», «Стих навроде Володи, на манер Кузьмы, а нам не родня». А вот как коммунары отзывались, к примеру, о произведениях Александра Пушкина: «Теперь уж так жарко никто не пишет», «Каждый стих Пушкина горит несгораемым кустом», «Слушаю я ушами, а оно своим чередом у меня в нутре перерабатывается. На каждое слово Пушкина десять слов своих нарастает. Ох, и разворочало у меня котелок! Ни в каком случае никто не годится супротив Пушкина. После Пушкина у меня большая голова стала. Пушкин – настоящий бог!», «На что Пушкин ни глянет, все это берет и в одно сливает. И все как-то у него к делу идет... Речка, луга, роща – и все приходится! Как у хорошего плотника: из плохого дерева хорошее выходит».

Сами «критики» были представлены на страницах книга Топорова индивидуальными характерами: «правдоискатель» Стекачев, «лирики» Бочарова и Зубкова, «лингвист» Золотарев, «душеискатель» Теряев, «антиформалист» Носова, «социолог» Блинов.

Викентий Вересаев, завидуя языку коммунаров, восторженно писал: «Проглоти перо – так не скажешь!»

Однако нашлось немало и оппонентов, утверждавших, что «... за этим стоит аполитичность, беспартийность, беспринципность, идеализм, поповщина». А журнал «На литературном посту» даже ввел в оборот такое выражение, как «топоровщина». «Сибирская советская энциклопедия» в 1932 году утверждала, что «книга Топорова «Крестьяне о писателях» – образец беспринципной, антимарксистской критики литературных произведений». И в газетах на сельского подвижника выливали ушаты грязи: «Барин, который не может забыть старого; хитрый классовый враг, умело окопавшийся и неустанно подтачивающий нашу работу; одиночка-реакционер; ожегся на открытой борьбе, теперь ведет ее исподтишка...»

Итогом гонений стал запрет: «Книга засорена положительными упоминаниями врагов народа: Аросева, Пильняка, Кольцова».

Несмотря на заступничество известных людей, Адриан Топоров был снят с работы, а затем арестован и осужден. Его книгу повсеместно изъяли и уничтожили. После реабилитации удалось найти ее только в «Ленинке» – Государственной библиотеке имени Ленина в Москве – да в Барнауле, в литературном музее школы N 27.

В лучах космической славы

Существует один аспект, который нельзя не упомянуть, рассказывая об Адриане Топорове. Оба деда космонавта Германа Титова – Павел Титов и Михаил Носов – были коммунарами «Майского утра», а его родители – Степан и Александра – учениками Топорова. И своего звездного сына они называли Германом, потому что у Адриана Митрофановича рос сын Герман – отец Игоря. А будущий космонавт родился уже после отъезда Топорова с Алтая. И все же спустя много лет их встреча состоялась. В книге «Голубая моя планета» космонавт вспоминает: «Место встречи было необычное – редакция газеты «Известия». Торопливо вхожу в комнату, где мы условились встретиться. Отец знакомит меня с пожилым сухощавым человеком. Открытое лицо, очень высокий лоб, еще густые и, несмотря на возраст, без заметной седины волосы, внимательные глаза, спрятанные за стеклами очков.

Так вот каков этот человек, о котором ходила добрая молва по нашему колхозному краю, чье имя часто произносилось в нашей семье в пору моей юности».

19 октября 1961 года в Москве...

«Тридцать лет не виделись они с отцом, – вспоминает Герман Титов. – Но все эти годы переписывались, советовались по школьным делам, делились впечатлениями о новых книгах, музыкальных произведениях. А я, очень много наслышавшись о Топорове, еще с детских лет мечтал повидать этого замечательного человека, который учил обоих моих дедов и бабушек, отца и мать и, по существу, был моим «духовным дедом».

На той встрече Адриан Митрофанович с пафосом сказал: «На старости лет какая мне неожиданная радость, что луч космической славы осветил все труды коммунаров «Майского утра». На что космонавт по-простецки ответил: «Это еще надо разобраться, чей луч на кого упал».

По словам Игоря Топорова, внука писателя, у Адриана Митрофановича счастливо сошлось и то, что он еще при жизни был признан педагогом-новатором и увидел плоды своего труда через его любимых учеников Шурочку и Степана Титовых и их звездного сына космонавта Германа. Что может быть большим счастьем для учителя?!

Поклон от потомка

К сожалению, от коммуны «Майское утро», разогнанной в конце 1920-х, ничего не осталось. Коммунары разъехались по соседним селам. Исчезли экспонаты краеведческого музея, богатая библиотека, музыкальные инструменты. Лишь тот самый самодельный барабан сохранил отец космонавта.

В 1980 году Степан Павлович Титов закрепил на дереве в центре бывшего поселка изготовленный им мемориальный знак. Его удалось сохранить. Рядом по инициативе тогдашнего руководства Косихинского района в 1980-е годы установили мемориальный камень. А у дороги близ территории бывшего поселка вознеслась памятная коммунарская стела.

Есть немало экспонатов, посвященных жизни «Майского утра» и одному из ее основателей А. Топорову в Косихинском районном краеведческом музее, а также в школьном музее села Верх-Жилино и музее космонавтики в селе Полковниково. Целый чемодан уникальных документов, копий газетных статей подарил Государственному музею истории литературы, искусства и культуры Алтая и косихинскому музею Игорь Топоров.

Один из бывших руководителей района Валерий Гостеев пообещал передать в косихинский музей фотографии о жизни коммуны, которые ему достались от Тимофея Епифанова, оператора фильма «Майское утро», а также копию письма Топорова.

К сожалению, значительная часть литературных трудов Адриана Митрофановича не издана поныне. К примеру, рукописи его воспоминаний «Я – из Стойла» и «Два дома» хранятся в Алтайском государственном архиве. Там же можно найти переписку Адриана Топорова с писателем Александром Фадеевым, журналистом Анатолием Аграновским, коммунарами «Майского утра», эсперантистами, друзьями и знакомыми. Книгу «Я учитель» благодаря стараниям Игоря Торопова можно прочитать в Интернете, а фрагменты мемуаров – в журнале «Сибирские огни».

Узнав, что предложение присвоить Косихинскому районному музею имя Адриана Топорова нашло отклик у жителей села, его внук в знак признательности низко-низко поклонился им.